

ОТЗЫВ

о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Власовой Екатерины Александровны

«Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв.»

(специальность 10.02.01 – русский язык)

Диссертационное исследование Е. А. Власовой на соискание ученой степени кандидата филологических наук посвящено изучению способов передачи чужой речи в русской летописной традиции XII–XVI вв. В работе ставится задача комплексного диахронического исследования всех возможных способов цитирования в древнерусский и старорусский периоды, включающее: описание основных синтаксических типов конструкций, используемых для цитации, их семантических и грамматических признаков; выявление тенденций в способах передачи чужой речи на каждом из этапов, учитывающее особенности как книжных и некнижных конструкций, так и диалектные черты; установление и прослеживание исторических изменений в структуре цитативных конструкций, их семантике и сфере употребления на протяжении древнерусского и старорусского периодов; выделение основных этапов формирования косвенного цитирования в русском языке.

Несмотря на то, что отдельные вопросы, связанные с историей формирования и развития способов передачи чужой речи в русском языке, уже становились объектом изучения, такого глобального по своим задачам исследования, ставящего своей целью дать наиболее полную диахроническую картину функционирования способов цитирования, до сих пор не было проведено, что свидетельствует о несомненной **новизне** и **актуальности** диссертационной работы.

Материалом для исследования послужили древнерусские и старорусские летописи. Следует отметить, что для исследования выбран довольно большой период: XII – начало XVI вв.. Выбор источников осуществлен удачно: в силу гибридных свойств языка летописи предоставляют широкий спектр различных синтаксических конструкций, используемых для передачи чужой речи (как книжных, так и некнижных). К анализу привлекаются памятники различной территориальной локализации, отражающие летописание южных, северо-восточных и новгородских земель, что позволяет определить диалектные особенности и проследить различия между региональными летописными традициями. Очень интересны сделанные в работе наблюдения относительно сближения разных летописей, с точки зрения отражения тех или иных моделей передачи чужой речи: ПВЛ сближается с Галицкой летописью, а Киевская летопись – с Суздальской;

Новгородская первая летопись по разным параметрам сближается с обоими выделенными группами.

Научное исследование Е. А. Власовой отличает масштабность в постановке задачи. Исследователем собран и проанализирован обширный материал и сделаны интересные выводы. Очевидно, что проделана огромная работа. Комплексный подход, постулируемый в работе, является одним из главных достоинств исследования: автор стремится, с одной стороны, исследовать способы передачи чужой речи максимально детально, учесть все семантические и синтаксические аспекты, а с другой – проследить все исторические изменения. Хочется особо отметить высокий профессиональный уровень, на котором ведется научный дискурс: четкость и тщательность анализа; опору на достижения в исследованиях по семантике и синтаксису современного русского языка, а также по типологии. Отдельно хочется отметить отличную осведомленность автора в научной литературе и знакомство с современными семантическими, синтаксическими и типологическими теориями. **Выводы**, к которым приходит автор, опираются на тщательный анализ языковых фактов и обладают **очевидной научной теоретической и практической значимостью**. Все вышесказанное дает основание утверждать, что с поставленной задачей автор диссертации успешно справился.

Структура диссертации Е. А. Власовой отвечает поставленным задачам. Следует особо отметить удачную композицию работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, каждая из которых заканчивается обстоятельными выводами, и заключения.

Во **Введении** обсуждаются используемая терминология и теоретические вопросы, касающиеся передачи чужой речи; дан обзор диахронических исследований, посвященных способам цитирования; сформулированы задачи исследования, представлено описание материала.

Первая глава диссертации посвящена описанию особенностей функционирования опорных предикатов при прямой и косвенной речи. Автор выделяет три группы опорных предикатов: локутивные, реферативные и иллокутивные. Проведенное исследование показало, что в древнерусский период существовала определенная связь между семантикой опорного предиката и типом цитативной конструкции: локутивные предикаты решительно преобладали при вводе прямой речи, а реферативные предикаты – при вводе косвенной речи. Установлено, что это соответствие последовательно сохраняется вплоть до второй половины XIII в. (с сер. XIII в. фиксируются первые отклонения от выявленной тенденции в юго-западных летописях: Галицкой и Волынской). Делается вывод о том, что в целом, косвенная речь была малоупотребительной конструкцией для раннего периода. На материале Никоновской летописи прослеживается постепенное разрушение

архаической корреляции между типом цитативной конструкции и семантикой опорного предиката, отмечается расширение состава опорных предикатов, в том числе таких, как глагол *говорити*, который свободно употреблялся как при прямой, так и при косвенной речи.

Очень интересной получилась **вторая глава**, посвященная исследованию союзной прямой речи. В древнерусский период в качестве основной синтаксической конструкции союзной прямой речи выступает конструкция с союзом *яко*, вводящим прямую речь (*jako recitativum*). Проведенное исследование показало, что «союзная прямая речь с *яко* по-разному употреблялась в региональных летописных традициях XII–XIV вв.» (с. 206). Так, ПВЛ и Галицкую летопись объединяет преобладание конструкций прямой и союзной речи с союзом *яко* при неразвитости косвенной речи. Киевскую и Суздальскую летописи объединяет четкое противопоставление прямой и косвенной речи, с одной стороны, и противопоставление косвенной и союзной прямой речи, с другой. В этой системе союзная прямая речь с *яко* и косвенная речь формально четко различаются за счет использования разных союзных средств (*яко* вводит союзную прямую речь, *оже*, *ажже* – косвенную речь), а также разных опорных предикатов (локутивные – при союзной прямой речи, реферативные – при косвенной). В работе показано, что союзная прямая речь с *яко*, вытесняясь косвенной, приобретает определенные субъективно-модальные значения. Материал Никоновской летописи демонстрирует новый этап в развитии цитативных конструкций. Союзная прямая речь с *яко* практически остается только в книжных контекстах, и к XVI в. союз *яко* при прямой речи постепенно выходит из употребления, вырабатывается союзная прямая речь нового типа с союзом *что*, а субъективно-модальные значения начинают выражаться морфологическими средствами – формами сослагательного наклонения в придаточной части.

В **третьей главе** прослеживаются основные этапы формирования и развития косвенного цитирования. Автор делает вывод о том, что в южнорусских летописях XII–XIII вв. (Киевской, Суздальской, Волынской) косвенная речь регулярно оформляется с союзами *оже*, *ажже*, в то время как в ПВЛ, Галицкой и Новгородской I летописях еще не представлено регулярной модели для нейтральной аналитической передачи чужой речи. Устанавливается, что для передачи модальных компонентов чужого высказывания (волеизъявление, коммуникативное обязательство, приказы, повеления) в древнерусский период регулярно использовались модально-осложненные конструкции с инфинитивом и сослагательным наклонением, четко противопоставленные формально (разные союзные средства и типы опорных предикатов) и семантически (обязательность vs необязательность действия для исполнения). Никоновская летопись отражает следующий

этап – активное формальное и семантическое сближение конструкций косвенного цитирования, а также тенденцию к унификации синтаксических моделей косвенного цитирования с единым формальным маркером *что*, что приводит к структурной перестройке косвенной речи. В XVI в. отмечается также активное проникновение в косвенное цитирование черт разговорного синтаксиса.

В **четвертой** заключительной главе анализируются употребления вводных слов и частиц в функции дискурсивных маркеров чужой речи на протяжении XII–XVI вв. В древнерусских летописях в этой роли выступают различные формы глагола *речи* – самого распространенного опорного предиката в этот период (*рече, речу, рьци*), а также формы других предикатов: *дѣяти* (*дѣеть, дѣи*); *сказати, сказывати* (с кон. XV в.). Частицы, представляющие собой застывшие формы глаголов речи (*де, деи, будто, рекии*) получают широкое распространение в летописном узусе с кон. XV в. Автор приходит к выводу о том, что в целом развитие функционирования дискурсивных маркеров шло по пути расширения употреблений вводных слов и частиц, что можно считать одним из важных этапов в процессе стирания различий между прямой и косвенной речью.

В **Заключении** суммируются и обобщаются все полученные данные об эволюции различных способов передачи чужой речи в исследуемый период. Делаются выводы об основных направлениях в развитии цитативных конструкций в исследуемый период.

Еще раз подчеркнем, что в работе сделано очень много интересных и важных наблюдений; **выводы**, к которым приходит автор, **убедительны и заполняют определенные существовавшие до настоящего времени лакуны в области исторического синтаксиса.**

Замечания по тексту диссертации носят исключительно частный и дискуссионный характер.

В первой главе при анализе семантики опорных предикатов, встретившихся при цитировании в древнерусских летописях, автор диссертационного исследования привлекает данные словарей древнерусского языка: ссылки даются на словарь И. И. Срезневского и Словарь русского языка XI–XVII вв. Опираясь на данные словарей, автор неоднократно подчеркивает, что «значения для каждого слова уточняются по словарям», поскольку «языковая интуиция носителя современного языка не может быть в полной мере применена к древнерусскому тексту» (с. 62), хотя и отмечает, что словари не во всех случаях содержат всю необходимую информацию (с. 37). В этой связи хочется, с одной стороны, заметить, что для полной объективности следовало бы использовать все имеющиеся словари: остается не ясным, почему в данном случае автор проигнорировал Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., а с другой – предостеречь автора от

безоговорочного доверия словарям, не лишенным ошибок, поскольку авторами словарей являются те же «носители современного языка». На наш взгляд, именно такое детальное изучение отдельной группы лексем, которое осуществил автор диссертационного исследования, часто становится источником для уточнения данных словарей.

В первой главе, анализируя функционирование опорных предикатов при прямой и косвенной речи в древнерусских и старорусских летописях, автор последовательно указывает, в каких грамматических формах (аорист, имперфект, причастие, перфект и т. д.) встречаются те или иные предикаты. Было бы интересно узнать статистику по формам, жаль, что она не приводится. На наш взгляд, работа только выиграла бы, если бы общие указания на употребительность или частотность, как например: «речи в форме причастия *река (рекуще, рекуща* и т.д.) – наиболее распространенный способ введения прямой речи в исследованных летописях» (с. 43), «*мълвити* употребляется в основном либо в форме имперфекта, либо в сочетании с фазовым глаголом» (с. 47), «в причастной конструкции предпочтительнее *глаголати*, чем *речи*» (с. 88) и т. п., – всегда снабжались бы точной статистической информацией.

Вывод о маркированности глаголов *глаголати* и *мълвити* «по параметру процессуальности» (с. 84) представляется не вполне доказанным. На с. 47 автор пишет, что «по составу парадигмы и типам контекстов *глаголати* в русских летописях маркирован не только стилистически, но и по видовому значению – как глагол несовершенного вида», на с. 48 сказано, что «парадигма употреблений глагола *мълвити* указывает на тип основы несовершенного вида». К таким выводам автор приходит на основании того, что глагол *глаголати* в позиции опорного предиката употребляется в форме имперфекта, причастия наст. времени и в сочетании с фазовым глаголом, а глагол *мълвити* – в форме имперфекта и в сочетании с фазовым глаголом (причем указывается, что *мълвити* «в основном» встречается в этих формах (с. 47), из чего следует, что есть и другие формы). Строго говоря, на основании приведенных данных можно сделать однозначный вывод только о том, что глагол *мълвити* в указанный период не был глаголом совершенного вида. Однако он вполне мог быть неохарактеризованным по виду глаголом (так, от глаголов *мълвити* и *глаголати* в древнерусских летописях – ПВЛ, Суздальской, Киевской – встречаются также формы причастий прошедшего времени и аористы). Для того, чтобы доказать, что эти глаголы уже в древнерусский период были глаголами несовершенного вида, требуется проанализировать весь объем форм, не обойтись здесь и без статистики. Не исключено, что эти глаголы по-разному вели себя в разных значениях, но все это требует специального исследования.

Хотелось бы также призвать автора к большей аккуратности в выводах в тех случаях, когда они делаются на статистически ограниченном материале. Так, например, вряд ли можно сделать однозначный вывод о «постепенном убывании» союзной прямой речи с союзом *яко* с XIV в. к XVI в., если эта тенденция выражена такими цифрами 5–3–2 употреблений (с. 184), на с. 91–92 делается вывод о том, что «локутивные предикаты довольно часто появляются при косвенной речи» в Никоновской летописи. Однако, если это верно для *глаголати* (8 %–27 %–11 %), стабильные 3 % (4–3–1) при косвенной цитации для глагола *речи* трудно охарактеризовать как довольно частое употребление. На с. 104 делается вывод о том, что в «XIV–XV вв. иллокутивные предикаты используются при прямой речи чаще, чем при косвенной, как и в древнерусских летописях», однако из приведенной на с. 102–104 таблицы видно, что эта тенденция однозначно сохраняется только для некоторых предикатов (со значением ‘ответить’, ‘отвечать’). Единичные употребления (данные ПР/КР: 1/0, 0/1, 1/1), на наш взгляд, должны интерпретироваться с большей осторожностью.

Материал летописей неоднороден и вследствие этого иногда требуется дифференцированный подход к материалу. Автор диссертационного исследования это прекрасно понимает. Так, на с. 97 автор пишет о том, что «часть НЛ за период 1425–1505 содержит несколько вставных повестей более позднего происхождения» и поэтому к анализу «в первую очередь» будет привлекаться материал погодных записей, исключая более позднюю вставку. Однако остается неясным, как материал вставных повестей учитывается (или не учитывается) при статистических подсчетах, в таблицах со статистикой это никак не отмечается. На наш взгляд, более поздний материал следует, оговорив, исключать из подсчетов. Со сходной проблемой неоднородных элементов автор сталкивается во второй главе при анализе союзной прямой речи в древнерусских летописях. На с. 125 отмечается, что «особые сложности связаны с контекстами, в которых противопоставление прямой и косвенной речи нейтрализовано из-за отсутствия грамматических признаков способа цитирования – местоимений, наречий, диалогических элементов и т.п.». Далее автор принимает решение рассматривать союзную прямую речь и дейктически нейтральные контексты (про которые нельзя однозначно сказать, являются ли они прямой или косвенной речью) вместе, что само по себе не вызывает возражений, однако, на наш взгляд, следовало бы указать процент дейктически нейтральных контекстов в общем объеме анализируемых контекстов и/или отразить соотношение двух типов контекстов в статистических подсчетах.

В заключение подчеркнем, что сделанные замечания носят исключительно дискуссионный и рекомендательный характер и нисколько не ослабляют общего

впечатления от рецензируемой диссертации – очень хорошей работы, выполненной на высоком профессиональном уровне, что характеризует ее автора как серьезного зрелого исследователя, отлично владеющего проблематикой. Результаты исследования достоверны, обладают очевидной научной и практической значимостью и могут быть использованы в общих курсах по исторической грамматике и историческому синтаксису русского языка, а также учтены в последующих научных исследованиях.

Опубликованные по теме диссертации статьи и автореферат адекватно отражают содержание работы. Нет никаких сомнений в том, что диссертационное исследование Е. А. Власовой «Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв.», представленное на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненного автором исследования содержится решение задач, имеющих существенное значение для соответствующей отрасли знаний; диссертационное исследование несомненно соответствует всем требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям, в том числе пунктам 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ, а его автор – Е. А. Власова – заслуживает присуждения научной степени кандидата филологических наук.

Старший научный сотрудник

Отдела лингвистического источниковедения

и истории русского литературного языка

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

к. ф. н.

Е. А. Мишина

Екатерина Андреевна Мишина

kmishina@mail.ru

почтовый адрес: 119311 Москва, ул. Крупской 8-1-188

тел. +79263044783

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник

Отдела лингвистического источниковедения

и истории русского литературного языка

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им.

В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Телефон: (+7 495) 695-26-60

Факс: (+7 495) 695-26-03

ruslang@ruslang.ru

<http://www.ruslang.ru/>

Мишина Е. А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. № 2 (24). М. «Языки славянской культуры». 2012. С. 219–241. Журнал 323 с.

Мишина Е. А. Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2001> М. 2002

Горбунова Е. А. (Мишина) Особенности функционирования презенса совершенного вида в языке древнерусских летописей // Труды молодых ученых. Лингвистика. М. МГУ. 1997. С. 36–49

Подпись руки *Мишина*
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
03 марта 2015 г.

Миш
/Е. А. Мишина/